

# Ленинский Комсомол

Тридцать лет назад на славном знамени нашего комсомола было начертано слово: **Ленинский**. В год смерти великого вождя революции VI съезд Коммунистического союза молодежи принял это решение — свидетельство непоколебимой верности принципам ленинизма.

Имя Ленина, слово Ленина освещают путь комсомола. Коммунистическая партия направляет всю его деятельность. Историческая роль вождя и организатора Коммунистической партии Владимира Ильича Ленина на III Всероссийском съезде комсомола 2 октября 1920 года определила задачи союзов молодежи, стала программой жизни и борьбы поколений советских юношей и девушек. «Быть членами Союза молодежи», — говорил тогда Ленин, — значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек в человека настоящего коммуниста. И Ленин звал молодежь решить задачу строительства, овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых, заученных формул в живое руководство для практической работы. Он звал молодежь — учиться, учиться и учиться!

Оглянемся на пройденный путь. В 1924 году в стране было 700 000 комсомольцев. Ныче, в 1954 году, ВЛКСМ объединяет 18 825 327 юношей и девушек. Это — огромная сила, молодая сила. Это — верный помощник Коммунистической партии в ее гигантской строительной и воспитательной работе, ее надежда и резерв. Это — передовой отряд нашей молодежи, ее вожаки и организаторы.

Ленинский комсомол воспитан партией в славных традициях революционной борьбы. У его колыбели стояла старая гвардия коммунистов-полнольцов, бойцы Октября, солдаты гражданской войны. Преемственность поколений сказывается в сегодняшних делах нашей молодежи.

Четырмя орденами награжден комсомол. Два ордена Ленина, орден Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени. Награды за трудовую и за боевую доблесть. Это — овеянная славой комсомольская юность гражданской войны. Это — страстная пора переустройства деревни в годы коллективизации. Это — корпус Инспектора и Магнитки, Сталинградского тракторного; это — Комсомольск-на-Амуре. Великий подвиг нашей молодежи в Отечественной войне — подвиг солдата и рабочего, партизана и колхозника. И сегодняшний день — мирные будни напряженного труда послевоенных пятилеток, патристическое движение молодежи на полях целинных и залежных земель.

Партия, народ помнят заслуги комсомола, любят нашу молодежь, заботятся о ее воспитании, о вовлечении всех юношей и девушек в активную борьбу за построение коммунизма в нашей стране.

Центральный Комитет КПСС в своем приветствии XII съезду комсомола выразил уверенность, что комсомольцы и комсомолки и впредь будут отдавать всю свою энергию и молодые силы великому делу строительства коммунизма. В приветствии сказано: «Комсомол должен неустанно воспитывать советскую молодежь в духе беззаветного служения своей Родине и преданности Коммунистической партии, в духе нерушимой дружбы народов СССР, прививая молодежи лучшие качества советских людей — любовь к труду, бодрость, бесстрашие, уверенность в победе нашего дела, готовность преодолевать любые трудности и препятствия. Долг комсомола — всемерно заботиться о том, чтобы молодежь постоянно повышала свою профессиональную квалификацию, настойчиво овладевала знаниями, достижениями передовой науки и техники и умела применять их на практике во всех областях народного хозяйства и культуры».

Необязательное поле деятельности открыто перед комсомольцами, многообразны формы их участия в решении государственных задач. Комсомол должен быть душой соревнования на всех участках социалистического строительства. Выполняя ленинский завет, наша молодежь настойчиво овладевает техникой, борется за повышение про-

изводительности труда, поднимает целину, добивается подъема животноводства, строит дома, стоит за штурвалом комбайна — и учится, учится, учится.

Мы бережем комсомольские газеты. Ленинградский молодой рабочий-верхолаз Иван Лебедев одним из первых применил ускоренный монтаж стальных конструкций. Шесть комсомольско-молодежных кормодобывающих бригад и девять сенокосных агрегатов работают на угодьях Чилийского района Кызыл-Ордынской области Казахстана. Ибрагим Алиев — молодой водитель самоходной сенокосилки убирает в день до ста гектаров трав. Комсомольцы Осоевской школы Миропольского района, Сумской области, построили свинарник для родного колхоза, а сейчас строят коровник. Со строительных площадок Минска идет хорошая слава о молодежных бригадах каменщиков Н. Лемезы и И. Скороды — они всегда перевыполняют нормы. Студент Политехнического института в Баку Инглаб Кулиев ведет исследования в области коррозии металлов. Руководители завода, где проверялись результаты исследований студента, с похвалой отзываются о его работе. Серебряная медаль вручена на днях комсомолке Любе Пластининой, бухгалтеру из Улан-Уда, закончившей вечернюю школу рабочей молодежи...

Практические дела! Те повседневные, будничные дела, о которых говорил Ленин. В труде на благо Родины формируется сознание и характер молодого человека Советской страны; в труде идет он школу коммунистического воспитания.

Юноши и девушки тянутся к знаниям, стремятся овладеть учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, изучить историю и политику партии, быть в курсе внутренней и международной жизни. Теоретическая подготовка помогает комсомольцу стать активным и стойким борцом за новое, борцом с пережитками капитализма в сознании людей, расширяет его кругозор, дает возможность правильно разбираться в явлениях общественной жизни.

Важнейшая обязанность комсомола — воспитывать молодежь. И здесь еще надо очень многое сделать. На заводе и в колхозе, в школе и в вузе следует так организовать труд и быт юношества, его учебы и досуг, чтобы постоянно повышался идейный и культурный уровень молодых людей, их знания, их нравственная чистота и сила, коммунистическая закалка. И когда мы встречаемся с фактами хулиганства и пьянства, суеверий и лодыричества среди некоторой части молодежи, — это должно служить укором комсомольскому организатору, это значит, что формализм, шаблон и канцеляризм все еще мешают наладить воспитательную работу. А когда в новом союзе на целинных землях комсомольские вожаки организуют самодеятельность, когда на клубном вечере молодежи выступает пламенный комсомольский пропагандист, когда на людной улице комсомольские патрули останавливают хулигана, — мы говорим: комсомол делает свое дело!

Широко отразив жизнь самых различных слоев русского общества, Чехов чутко улавливал дух времени. Писателя не обманула кажущаяся неподвижность собственного уклада, внешняя неколебимость общественного строя. Он зло смеялся над туманными, ограниченными людьми, уповавшими на неизменность неправого общественного порядка. Неужели и мракобес, «печенеги» Жмухин самодовольно изрекает: «Теперь, конечно, уж не та категория людей, и не секут, и живут чище, и наук стало больше, но, знаете ли, душа все та же, никакой перемены». Всем своим творчеством Чехов опровергал этот узкий, кучный взгляд, показывая непрочною общественную укладку. Важнейшей задачей унтер Пришибеев — фигура не только страшная, но и смешная в своем стремлении «заморозить» жизнь, ввести ее в русло приказов и циркуляров. Жизнь оказывается сильнее «человека в футляре» Беликова, который вызывает у окружающих не только страх, но и смех.

Это обостренное восприятие жизни, эпохи, времени в их неодолимом движении проявилось уже в творчестве Чехова 80-х годов, тяжелой поры, когда в стране восторжествовала самая зверская реакция. А когда в 90-е годы начался общественный подъем, Чехов с еще большей силой и уверенностью говорит в своих произведениях о непрочности того строя, который охраняли «печенеги», пришибеевы, «человеки в футляре».

Творчество Чехова, особенно последних лет, конца 90-х — начала 900-х годов, пронизано возмущением предчувствием решительных социальных перемен. Чуждый пессимизму и отчаянию, писатель решительно отвергал утопии народников, громкие фразы либералов и всякие иные проявления охранительного благополучия, замаскированного реального противоречия. Легенда о Чехове, «печенеги», «слово безвременья», родилась именно среди народных утешителей, которые боялись тревожно взглянуть в лицо жизни и обвиняли в пессимизме тех, кто предпочитал суровую правду самообману.

«Теперь, когда породистый рабочий человек относится критически к себе и своему делу, то ему говорят: вытик, бездельник, скачущий», — писал Чехов; — когда же прелестный пропойца кричит, что надо дело делать, то ему аллоцируют».

Всю свою жизнь он искал действительного, а не словесного, но обманчивого пути к новой жизни. Он не увидел в рабочем классе той исторической силы, которая должна была возглавить общенародный натиск на самодержавие и буржуазию. Но великая заслуга Чехова в том, что он развенчал буржуазно-либеральные «действия», претворявшие на роль онекузов и «друзей» народа.

В творчестве Чехова неразрывно слились умная, злая сатира с нежной, прозаической лирикой. Чехов-сатирик и Чехов-лирик, в сущности, говорили об одном — современная писательская жизнь, где счастье меньшинства построено на страданиях большинства, не имеет права на существование, противоречит правде, красоте, губит человека; больше так жить невозможно.

В творчестве Чехова получили развитие лучшие традиции отечественной литературы — народность, верность правде жизни, борьба за свободу человеческой личности. В его произведениях, отразивших предвосторженную эпоху, сильное и явственное нежизненное в творчестве многих его предшественников, возникает образ прекрасного близкого будущего, жизни, какой она должна быть.

Творчество Чехова глубоко индивидуально и самообытно; оно является ярким выражением богатства и многообразия русской литературы, гуманизма, народности, полноты творческого познания действительности.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 84 (3268)

Четверг, 15 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

## ЧЕХОВ

Всегда, злые, внемленные рассказы о людях, гонимых за чинами и орденами, за наследством и приданым, судорожно карабкающихся вверх по огромной многоступенчатой бюрократической лестнице...

Поэма в прозе о неоглядно широкой русской степи, о ее просторе, о красоте... Повесть о мрачной больнице-тюрьме «Палата № 6», об одиноких протестах, пытающихся вырваться за железные решетки...

Грустные истории о людях, проталкивающих жизнь...

Суровая сатира, развенчивающая мертвенный, футлярный мир. Тревожный, как голубое свистит, призыв: «Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя!»

Произведения о мужиках, заданных нищетою, забитых, разоренных, но все же не утративших веру в то, что правда на земле есть и будет...

Рассказ о честных тружениках-интеллигентах, людях суровой жизни, самоотверженных, описанных с большой любовью...

Судьба девушки, которая решила, что главное — перевернуть жизнь, повала с прошлым и пошла навстречу будущему.

И все это — Чехов, великий писатель, чье творчество отразило целую эпоху в жизни нашей Родины.

Жизнь всей страны — и Москвы, и Петербурга, и глухих провинциальных городишек, и далекого острова Сахалина — все нашло отражение в творчестве Чехова.

Широко отразив жизнь самых различных слоев русского общества, Чехов чутко улавливал дух времени. Писателя не обманула кажущаяся неподвижность собственного уклада, внешняя неколебимость общественного строя. Он зло смеялся над туманными, ограниченными людьми, уповавшими на неизменность неправого общественного порядка. Неужели и мракобес, «печенеги» Жмухин самодовольно изрекает: «Теперь, конечно, уж не та категория людей, и не секут, и живут чище, и наук стало больше, но, знаете ли, душа все та же, никакой перемены». Всем своим творчеством Чехов опровергал этот узкий, кучный взгляд, показывая непрочною общественную укладку. Важнейшей задачей унтер Пришибеев — фигура не только страшная, но и смешная в своем стремлении «заморозить» жизнь, ввести ее в русло приказов и циркуляров. Жизнь оказывается сильнее «человека в футляре» Беликова, который вызывает у окружающих не только страх, но и смех.

Это обостренное восприятие жизни, эпохи, времени в их неодолимом движении проявилось уже в творчестве Чехова 80-х годов, тяжелой поры, когда в стране восторжествовала самая зверская реакция. А когда в 90-е годы начался общественный подъем, Чехов с еще большей силой и уверенностью говорит в своих произведениях о непрочности того строя, который охраняли «печенеги», пришибеевы, «человеки в футляре».

Творчество Чехова, особенно последних лет, конца 90-х — начала 900-х годов, пронизано возмущением предчувствием решительных социальных перемен. Чуждый пессимизму и отчаянию, писатель решительно отвергал утопии народников, громкие фразы либералов и всякие иные проявления охранительного благополучия, замаскированного реального противоречия. Легенда о Чехове, «печенеги», «слово безвременья», родилась именно среди народных утешителей, которые боялись тревожно взглянуть в лицо жизни и обвиняли в пессимизме тех, кто предпочитал суровую правду самообману.

«Теперь, когда породистый рабочий человек относится критически к себе и своему делу, то ему говорят: вытик, бездельник, скачущий», — писал Чехов; — когда же прелестный пропойца кричит, что надо дело делать, то ему аллоцируют».

Всю свою жизнь он искал действительного, а не словесного, но обманчивого пути к новой жизни. Он не увидел в рабочем классе той исторической силы, которая должна была возглавить общенародный натиск на самодержавие и буржуазию. Но великая заслуга Чехова в том, что он развенчал буржуазно-либеральные «действия», претворявшие на роль онекузов и «друзей» народа.

В творчестве Чехова неразрывно слились умная, злая сатира с нежной, прозаической лирикой. Чехов-сатирик и Чехов-лирик, в сущности, говорили об одном — современная писательская жизнь, где счастье меньшинства построено на страданиях большинства, не имеет права на существование, противоречит правде, красоте, губит человека; больше так жить невозможно.

Добрый писатель: «...Надо вызывать читателя на внимание к тому, что их окружает, надо колотить глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдышку, — до того, чтобы противно стало читать все это богатство грязи, чтобы он, задетый, наконец, за живое, вскричал с азартом и вымолил: «да что же, дескать, борьба за свободу человеческой личности. В его произведениях, отразивших предвосторженную эпоху, сильное и явственное нежизненное в творчестве многих его предшественников, возникает образ прекрасного близкого будущего, жизни, какой она должна быть».

Творчество Чехова глубоко индивидуально и самообытно; оно является ярким выражением богатства и многообразия русской литературы, гуманизма, народности, полноты творческого познания действительности.

В нашем сознании Чехов остался как писатель, для которого литературный труд — кровное и важное дело, как человек долга и правды, знающий силу художественного слова и чувствующий высокую ответственность перед читателем.

Утверждая любовь к народу, к простым, скромным, незаметным людям, в красоте русской земли, Чехов нигде не впадает в риторику. Великий патриот, он любил родину суровой, сдержанной любовью, которая боится громких фраз, сентиментальных излияний. В своих произведениях художник последовательно отказывается от многословия, от развернутых описаний, авторских характеристик. Некоторые критики усмотрели в этом писательскую незаинтересованность, равнодушие. Их обманула кажущаяся сдержанность чеховского повествования, за которой скрывается его глубокая человечность и неравнодушие. Горький в рецензии на повесть «В овраге» первый выступил против фальшивых обвинений Чехова в «объективизме». Он показал, что верно правде Чехова, который «никогда ничего не выдумывает о себе», сочетается с ясным писательским представлением о жизни, с отчетливо ощущаемыми симпатиями и антипатиями автора.

Глубоко ошибаются те писатели, которые думают, что они продолжают чеховские традиции, создавая бесстрастные, безэмоциональные произведения, фотографически регистрирующие «поток жизни». В действительности же такое регистраторство ничего общего не имеет с традицией Чехова, который не просто воспроизводил жизнь, но рождает в читателе ясную осязку, приговор, эмоциональную реакцию.

Сила чеховского мастерства в глубинном отражении действительности — и ее внешние и внутренние процессы. Писатель воссоздает всю характерность жизни, быта, атмосферу своего времени. Он создал рассказы и повести, не уступающие по заключенному в них содержанию лучшим романам. Об этом особенно умно вспомнить сегодня, когда нам еще приходится встречаться с пухляками, непомерно разросшимися произведениями. Чехов довел до совершенства художественную отсылку каждой детали. Казалось бы, случайный штрих в описании героя, его одежда, походка, привычки, его характерные выражения — из всего этого закономерно складывается целостный образ.

Прекрасен язык Чехова — предельно простой, по-русски ясный и точный, лишенный каких бы то ни было излишеств и украшений.

В памяти нашего народа всегда будет жить Чехов — «сын из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадавший ей во всем», как сказал о нем Горький; всегда будет жить веселый и смелый обличитель казенной тупости, пришибейщины; нежный лирик, влюбленный в простых, честных, верных людей; мастер, придавший чуждую силу воздействию своим творениям.

Сам Чехов, с характерной для него скромностью, не думал о большой славе. Но сегодня, спустя полвека после его кончины, слава его вышла далеко за пределы Родины, обшла самые дальние страны и материки. Чехов сегодня — всемирно признанный писатель. Его песни, повести и рассказы завоевали признание простых людей всего земного шара. Вот почему такой громадный отклик повсеместное одобрение вызвало решение Всемирного Совета Мира о том, чтобы приять чествованию памяти великого русского писателя международного масштаба.

Глубоко поучительна судьба Чехова! Сын своего времени, он завоевал бессмертие. Сын своего народа, он стал любимым писателем человечества.

Народ не забывает имена тех, кто отдал ему все свои силы и талант. С радостью и гордостью произносит сегодня честные люди всего мира простое и великое имя — Чехов.

В связи с исполняющимся 15 июля 1954 г. 50-летием со дня смерти великого русского писателя А. П. Чехова Лопасненский район Московской области, где жил и работал А. П. Чехов, переименовывается в Чеховский район и рабочий поселок Лопасня преобразуется в город Чехов. Присваивается имя А. П. Чехова: библиотека № 64 Свердловского района г. Москвы; средней школе № 2 г. Таганрога.

В доме № 6 по Садово-Кудринской улице в г. Москве, где жил А. П. Чехов, открыт Дом-музей А. П. Чехова и будет установлена на этом доме мемориальная доска.

Министерством культуры СССР будет издано в 1954—1956 годах собрание сочинений А. П. Чехова в 12 томах.

**Открытие Дома-музея А. П. Чехова в Москве**

Свежей розовой окраской выделяется среди окружающих зданий на Садово-Кудринской улице в Москве заново отреставрированный дом с укрепленной на ограде вывеской: «Дом-музей А. П. Чехова».

Вчера к четвертому часу дня был заполнен народом небольшой двор и улица возле дома. Собрание открыл министр культуры СССР Г. Александров. С речами выступил министр культуры РСФСР Т. Зуева, академик А. Опарин, жена великого писателя народная артистка СССР О. Книппер-Чехова. Они говорили о том, что создание музея А. П. Чехова — большое событие в культурной жизни страны.

Г. Александров снимает покрывало с угреленной на стене дома мемориальной доски. На сером граните начертано: «Здесь жил в 1886 по 1890 гг. великий русский писатель Антон Павлович Чехов. 1954». У входа в дом на дубовой входной двери металлическая табличка: «Доктор А. П. Чехов».

Двери музея открываются для посетителей.

Они осматривают комнаты А. П. Чехова, обставленные его личными вещами, знакомые с экспозицией, рассказывающей о жизни и творчестве великого писателя. В Доме-музее широко представлены материалы, показывающие, как свято хранит память о великом писателе советский народ, все возрастающую популярность произведения А. П. Чехова не только в нашей стране, но и за ее рубежом.

Среди экспонатов — многочисленные фотоснимки мест, где жил и работал Чехов, иллюстрации советских художников к его произведениям, издания книг писателя на русском и других языках народов СССР. Специальная витрина посвящена показу произведений, изданных на иностранных языках.

**В Ялте**

ЯЛТА, 14 июля. (Наш корр.) Сегодня в зале городского театра, носящего имя А. П. Чехова, состоялся торжественный вечер, посвященный памяти великого писателя. На вечере присутствовали делегации писателей Москвы и Киева.

С докладом о творчестве А. П. Чехова выступил поэт Л. Вышеславский. Собрание с большим вниманием выслушало проникновенные слова сестры писателя, заслуженного деятеля искусств РСФСР Марии Павловны Чеховой. На вечере выступили также писатели П. Панч, Е. Поповкин и член Ялтинского комитета защиты мира профессор Симидзу.

Вечер завершился большим концертом.

**Приезд зарубежных писателей**

Всеобщий комитет по проведению 50-летия со дня смерти великого русского писателя А. П. Чехова пригласил в СССР на чеховские дни зарубежных гостей — писателей, общественных деятелей. В Москву прибыли писатели Ба Шань (Китайская Народная Республика), Вилли Бредель (Германская Демократическая Республика), Михай Бочко (Румыния), Людмила Стоянов и Мария Грушецкая (Болгария).

**Учипсья у Чехова...**

Прежде чем говорить о своей любви и уважении к великому писателю А. П. Чехову, я хотел бы напомнить о пожелании замечательного французского скульптора Огюста Родена молодому художнику: «Благоговейно любите мастеров, живших до вас», — говорил он. Это высказывание важно и для молодых писателей, так как без познания опыта крупнейших мастеров творчество невозможно. Я, разумеется, не могу никоим образом сравнить себя с Чеховым, но я могу и должен учиться у него. Так я понимаю слова Родена.

Впервые я узнал Чехова, как автора незабываемых коротких юмористических рассказов, но только позже, когда познакомился со всем его творчеством, с его пьесами, я понял, что скрывается за его юмором, какая скорбь — и какая вера!

Я должен признаться, что имел постыдную МХАТ, которую я нечасто видел, сказала мне о нем все. Я никогда не забуду того вечера, когда перед мной ожили герои «Трех сестер» и когда я не только как зритель, но и как человек, с героями великой драмы переживал глубокий трепет человеческой души.

Говорить, чему я у Чехова научился, было бы неуместно и нескромно. Если бы я чему-нибудь научился, то я писал бы несравненно лучше, чем пишу. Главное, мне кажется, в том, чтобы поставить перед собой высокую цель — овладеть искусством великих мастеров. До какого пункта писатель добьется по пути к этой цели — вопрос, на который ответят другие. Но сознание, что ты направляешься к самым вершинам, всегда поднимает тебя. Творчество А. П. Чехова и является одной из тех вершин, к которым устремляется наше искусство.

Иржи МАРЕК,  
чешский писатель  
ПРАГА



Рис. художника А. Ламма

## Вручение международной Сталинской премии индийскому ученому Сахибу Сингу Сокхею

Вчера, 14 июля, в Свердловском зале Кремля, в присутствии многочисленных представителей советской общественности, была вручена международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами» выдающемуся индийскому ученому, депутату парламента Индии профессору Сахибу Сингу Сокхею. На церемонии вручения присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индия в СССР г-н К. П. Ш. Мейон с супругой.

Вручая профессору Сокхею золотую медаль и диплом лауреата международной Сталинской премии, академик Д. В. Скобелевич сердечно поздравил его с высокой наградой.

С сердечными словами приветия в профессору Сокхею обратились представители советских общественных и научных организаций. Академик Е. Н. Павловский, председатель Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов, академик В. А. Энгельгардт, профессор В. Д. Тимаков, доктор медицинских наук В. В. Васильев говорили о том, что заслуги Сокхея в борьбе за мир получили международное признание, что чувство радости и гордости за славного представителя индийского народа испытывают все советские люди.

С большим вниманием была выслушана речь профессора Сокхея.

«Я полностью осознаю, — заявил он, — эту великую честь, которую вы сегодня



Сахиб Синг Сокхей выступает с ответной речью. Фото В. Егорова

оказываете мне, вручая эту награду. Я от души благодарен вам. Надеюсь, что окажусь достойным этой чести и хочу заверить вас в том, что буду еще упорнее работать для благородного дела мира, такого дорогого всему человечеству.

ВЫСОКИЙ ОБРАЗЕЦ

Полсотни лет тому назад учился я в сельской церковно-приходской школе...

Из этого можно понять, что школа не привила мне вкуса к хорошей поэзии и прозе...

Лет тринадцати-четырнадцати прочел я впервые «Степь», прочел и долго сидел ошеломленный, испуганный...

Затем, лет через восемь или около того, решил я стать писателем. Литературных знаний я, в сущности говоря, не имел никаких...

Я тогда работал наборщиком в типографии. Работа интересная, но, к сожалению, городская и не дает возможности поехать в деревню и пожить там...

Отложил я в сторону «Учебник словесности», положил перед собой Чехова и стал думать. Затем начал читать, медленно, не торопясь, «вдоль по шву»...

Всёволод ИВАНОВ

Бликий и необходимый

Недавно мне пришлось побывать в Утене, одном из отдаленных районов Литвы. Бедным и отсталым был этот край до установления советской власти...

Наша беседа состоялась прямо на поле. — Что вы читаете? Каких писателей любите?

Она назвала несколько имен. Одним из первых был упомянут Чехов и его повесть «Мужики» и «В овраге».

— Ах, какой темной была деревня, какая нужда была, какими крошечными были кулаки... И хотя Чехов писал про Россию, но и у нас все так же было...

И тогда, в далекой деревне Утенского района, я еще раз ощутил, что есть книги, которые никогда не умрут.

В буржуазной Литве произведения А. П. Чехова появлялись редко, да и то в искаженном, извращенном виде.

В годы советской власти книги А. П. Чехова нашли в Литве широкое распространение. Издаются сборники его повестей, его пьесы ставятся на сцене.

Любил творчество Чехова наш видный беллетрист Петрас Шницра. Крупные писатели И. Виллюнас, А. Венуолис, наши талантливые повелатели — К. Марукас, А. Бауза, А. Пакаляйтис учились и участв. у Чехова чистоте, краткости письма, той краткости, которая способна, однако, охватить широкую мысль...

Ионас ДОВИДАЙТИС

ТАЛАНТ ПОБЕЖДАЕТ ВРЕМЯ

Пятьдесят лет со дня смерти великого русского писателя, любимого нашего художника слова Антона Павловича Чехова! Сколько за это полувеков произошло перемен в жизни нашей Родины...

Да прежде всего потому, что этот остро мыслящий художник давал человеку на весьма большой глубине, отражая в его характере и деяниях не только то, что порождалось в нем непосредственно тою средой и обстановкой, в которой он пребывал...

Чехов-писатель и Чехов-человек неотделимы один от другого. Его мысли и чувства развиты решительно во всем: в природе, в людях, в повороте фразы, в интонации отдельного слова.

Рассером чеховскую «Степь» научу и вызовом хотя бы одну фразу: «А взглянешь на бледно-голубое, усемянное звездами небо, на котором ни облачка, ни пятны, и поймешь, почему теплый воздух недвижен, почему природа настроена и боится шевельнуться»...

Чехов остро чувствовал эту необыкновенную тишину ночной природы, и кажется, именно в этой тишине ему легче всего думать — не о себе, а о других, о людях.

И вот отходит день, и художник остается с собою самим. И думы его не о своих личных заботах, перед ним жизнь людей, и думы его — о них, о человеческих судьбах.

Вот тот же самый художник, который с великою простотой беседует с глазу на глаз со своим читателем, порою заставляя его неудержимо смеяться, порою грустно задумываться, но никогда не оставляя его равнодушным, вирту своего читателя протрагивает до глубины души.

Иван НОВИКОВ

Певец человеческой красоты

Чехов — настоящий русский человек с неисчерпаемым душевным богатством, замечательным разнообразием больших, чистых мыслей и ясных чувств.

Читаешь «Степь» и думаешь: в раздолжных степях России воспитывалась благородная душа русского человека; здесь он почувствовал свою силу, здесь печатать глубоких раздумий легла на его чело, здесь чувство любви к родной земле, к родной природе выросло и окрепло...

В царской России, в условиях, где были попораны человеческие права людей, чеховское творчество, проникнутое идеями братской солидарности простых труженников, призывающее к духовному благородству, к человеческому достоинству, явилось той прогрессивной, оборающей силой, которая воспитывала русских людей и людей других народов.

Чехов учит советских писателей не только душевному благородству и высокой ответственности за писательский труд; он также учит писать. Вот чеховская повесть, рассказ, образ, «маленькая» картина, — как легка манера письма, как прост стиль, естествен сюжет. Как легко писал! — подумает иной неискушенный читатель.

Я перевел на армянский язык голговерские «Мертвые души» и многие рассказы Чехова. Были «гоголевские трудности», не меньше было «чеховских». При переводе классиков как-то особенно понимаешь великий труд писательский труд, без которого нет мастерства. Большой труд в языке, где есть большое искусство, — в музыке, в живописи, в скульптуре, ибо в творческих трудностях рождается правда, та «простота», которая вызывает иногда новую мысль: «взял бы и написал, как Чехов!»

В суровых руках времени что-то из наследия писателя старится и исчезает. Но одно остается навеки — эмоция, вехе которой не может жить ни одна идея. Чеховская эмоция — благородная, глубокая, искренняя человечность будет вечно жить. Она — самое драгоценное в Чехове.

И мы, советские люди, все сильнее и сильнее любим великого русского писателя-гуманиста Антона Павловича Чехова!

Деренки ДЕМИРЧЯН

Великий жизнелюбец

1. ...Хлебосольство его доходило до страсти. Стоило ему поселиться в деревне, и он тотчас же приглашал к себе कुछ гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только что выжили из многолетней нужды, ему приходится таким тяжким трудом содержать всю семью — и мать, и брата, и сестру, и отца, — у него нет ни гроша на завтрашний день, а он все свой дом сверху лонжу набивает гостями, и кормит их, и развлекает, и лепит!

«Спади на диване и по несколько человек во всех комнатах, — вспоминает его брат Михаил; — ночевали даже в сенях. Писатели, девицы — почитательницы таланта, земские деятели, местные врачи, какие-то дальние родственники... приходили съездом Мелховою чередой».

«Ждем Иваненко. Приедет Суворин, буду приглашать Баранцевича. Конечно, Суворин приедет», — сообщил он Натэ Джитваровой из Мелхова в 92-м году.

А заодно приглашал и ее. Причем из следующих его писем оказывается, что, кроме этих пяти человек, он пригласил к себе и Лазарева-Грузинского, и Ежова, и Лейкина, и что у него уже гостит Левитал!

Завывая к себе друзей и знакомых, он самими горячими красками, как бы пародировав рекламу курорта, расписывал те наслаждения, которые их ожидают: «Место здоровое, веселое, сытое, многолюдное...», «Теплые и красивые Крыма в это раз...», «Колеса покойная, лошади очень сносные, дорога дивная, люди прекрасные во всех отношениях...», «Купанье грандиозное...».

Приглашал он к себе очень настойчиво, не допуская и мысли, что приглашаемый может не приехать к нему. «Я обязательно, на аркане притащу Вас к себе», — писал он беллетристу Шеглову. Большинство его приглашений были и вправду арканами, — так сильно чувствовалась в них настойчиво-неотразимая воля: «Если не приедете, то поспеете так гнушно, что никакие мук ада нехватят, чтобы наказать Вас».

Из книги «Чехов и его мастерство».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 2 15 июля 1954 г. № 84

Необыкновенно скорый на знакомства и дружить, он в первые же годы своей жизни в Москве переизнакомился буквально со всем Московью, со всеми слоями московского общества, а заодно и изучил и Бабкино, и Чикино, и Воскресенск, и Звенигород, и с гигантским аппетитом глотал все впечатления окружающей жизни.

И поэтому в молодых его письмах мы постоянно читаем: «Было сейчас на скачках...», «Хожу в гости к монахам...», «Уеду на стеклянный завод...», «Буду все лето кружиться по Украине», «Бываю в камере мирового судьи...», «Была шафером у одного доктора...».

Без этой его феноменальной общительности, без этого жгучего интереса к биографиям, нравам, разговорам, профессиям сотен людей он, конечно, никогда не создал бы той грандиозной энциклопедии русского быта 80-х и 90-х годов, которая называется «Мелкими рассказами» Чехова.

Если бы из всех этих рассказов, из многолетнего собрания его сочинений вырвать какими-нибудь чудом на московскую улицу хлынули все люди, изображенные там, все эти актеры, артисты, портные, полицейские, арестанты, повара, богомолы, педологи, помещики, проститутки, архиереи, циркачи (или, как они тогда назывались, циркисты), чиновники всех рангов и ведомств, крестьяне северных и южных губерний, генералы, банщики, инженеры, конюшники, монастырские служки, купцы, певцы, солдаты, свахи, фортепианные настраивщики, пожарные, судебные следователи, дьяконы, профессора, пастухи, адвокаты, — произошла бы ужасная свалка, ибо столь густого многолюдства не могла бы вместить и самая широкая площадь.

Не верится, что все эти толпы людей, наполняющие чеховские книги, созданы одним человеком, что только два глаза, а не тысяча глаз с такой нечеловеческой зоркостью подсмотрели, запомнили и записали навеки все это множество жестов, похолодов, улыбок, физиономий, одежд, и что не тысяча сердец, а всего лишь одно вместило в себе болю и радости этой громады людей.

И как все это было с людьми! С теми, кого он любил. А любить это ему

было нетрудно, так как, хотя он был человек беспощадно насмешливый и каждого, казалось бы, видел насмешно, он при первом знакомстве с людьми почти всегда относился к ним с самой наивной доверчивостью. И потому в его письмах мы так часто читаем:

«Славный малый», «душа-человек», «великолепный парень», «симпатичный мальчик и прекрасный талант», «милый человек, теплый», «сюсюка великодушная, теплая, и я к ней сильно привязался», «чужое, в высшей степени доброе и кропотливое создание», «человечина хороший и не без таланта» и т. д.

И до такой степени он был артезианский, живой человек, что даже писать он мечтал не в одиночку, а вместе с другими. «Слушайте, Короленько... Будем вместе работать. Напишем драму. В четырех действиях. В две недели».

Хотя Короленько никогда никаких драм не писал и к театру не имел никаких отношений.

И Биллину: «Давайте вместе напишем повесть в двух действиях... Придумайте первое действие, а я второе».

И даже с Гольцевым, профессором юриспруденции, он непрочитав за себя написание драмы, «которую, пожалуй, и написали бы, если тебе хочется. Мне хочется. Подумай».

И путешествовать любил он в компании. В Праге он собрался вместе с сыном Суворина, в Адрику — с Максимом Ковалевским, на Волгу — с Потаненко, в донецкие степи — с Плещевым.

Работать с людьми и скитаться с людьми, но больше всего он любил скитаться с людьми.

Этого молодого, бесмертно-веселого ходола юному Чехову было отпущено столько, что, чуть только у него среди его тяжелых трудов выдавался час бы час передышки, все время так и било из него, и невозможно было не хохотать вместе с ним.

Сунуть московскому городскому в руки тяжелый арбуз, обмотанный толстой бумагой, и сказать ему с деловито-озабоченным видом: «Бомба! Неси в уток, да смотри: осторожнее», — или уверять наве-

ную до святости молодую кофейного цвета прохладит от помеси голубой с кошкой, живущей на том же дворе, так как шерсть у этой кошки — точно такой же раскраски, — к этому его тянуло всегда.

Приехал он как-то с артистом Свободным и с компанией других приятелей в маленький городишко Ахтырку. Остановились в гостинице. Свободный, талантливый характерный актер, стал разыгрывать важного графа, заставляя трепетать всю гостиницу, а Чехов взял на себя роль его лакея и создал такую художественно убедительную роль барованного графского лакея, что люди, бывшие свидетелями этой игры, и через сорок лет вспоминая о ней, не могли удержаться от смеха.

Даже усталые и старые приобщая он к своей неутомимой веселости. Долго не мог опомниться старик Григоричев, нечаянно понапавший в самый разгар кутермы, которую вместе со своими гостями устроил Чехов у себя на московской квартире. В эту молодую кутерму, в конце концов, втянулись и автор «Антоня Горемыки», седой патриарх, а потом вспоминал о ней с комическим ужасом:

«Если бы вы только знали, что там у Чеховых происходило! Вакханалия, настоящая вакханалия!»

Всех изумляла тогда свобода и легкость, с которыми бывшая в нем черз край могучая энергия творчества воплощалась в несметное множество бесконечно разнообразных рассказов. С самой ранней юности, лет девять—десятилетие подра, Чехов работал, как фабрика, не зная ни минуты простоя, вырабатывая горы продукции, и хотя среди этой продукции на самых первых порах было немало количество брака, в скором времени Чехов, несколько не снижая своих темпов, стал выпускать, как будто по конвейеру, бесперебойно, оляя за другим, целые десятки шедевров, написанных с такой виртуозностью, что иному, даже крупному таланту, понадобилось бы на каждый из них никак не меньше полутора работы. А он создавал их без малейшей натуры, чуть не ежесекундно, один за другим: и «Орден», и «Хирургия», и «Канитель», и «Дашиную фамилию», и «Дочь Альбиона», и «Шило в мешке», и «Жизнь хромого», и «Антикартуз», и «Живое существо», и массу других, и в каждом из них уже восемьдесятлетие является его неутомимый хохот.

«Чехова, тоже приложенье, прочитал две книжки, хохотал, как чорт, — писал Максиму Горькому какой-то крестьянин. — Матери с горькой читал — то же самое: разлаиваются, хохочут. Вот — и смешно, а мило!».

Через сто лет мировых катастроф, через три войны, через три революционных прола эта юмористика Чехова. Сколько позавидуют прославившиеся книги, сколько смеются литературоведы тешицы, а эти чеховские «однодневки», как ни в чем не бывало, живут и живут до сих пор и радуют внуков такую же радостью, какою радовали дедов и отцов.

2. ...Когда же этот счастливейший из русских великих талантов, разнзавший своей бессмертной веселостью не только современников, но и миллионы еще не рожденных потомков, заплакал от невыносимой тоски, вызванной в нем «прояркой» российской действительностью, он и здесь обнаружил свою могучую власть над людьми.

Даже молодой Максим Горький, совершенно не склонный в те годы к слезам, и тот поддался этой власти. Вскоре после появления в печати чеховского рассказа «В овраге» Горький сообщил Чехову на Полтавской губернии:

«Читал я мужиком «В овраге». Если бы вы видели, как это хорошо вышло! Заплакал хохлы, я заплакал с ними». Это свое участие в чеховской скорби Горький отмечал тогда не раз:

«Сколько дивных минут прожила я над вашими книгами, сколько раз плакал над ними», — писал он Чехову еще в первом письме.

И снова через несколько лет: «На днях смотрел «Дядю Ваню», смотрел и — плакал как баба, хотя я человек далеко не нервный...».

Горький любил «Дядю Ваню», хохлы смотреть его несколько раз и после тридцати лет довести до слез представления пьесы сообщил Чехову:

«И плакала публики и актеры». Таково было могущество чеховской скорби: даже профессионалы-актеры после получения репетиций, после тридцати лет представления, когда пьеса давно уже стала для них ежесекундно привычной, не могут — вместе со зрителями — удержаться от слез!

Ибо то, что многие — главным образом реакционные — критики предпочитали считать мягкой эстетикой злобой, на самом деле было скорбным проклятием всему бездушному и бездарному строю, создавшему Чубукиных, Поничей, чеховцев в футляре...

Словом, в скорби Чехов оказался так же могуч, как и в радости, и там я здесь, на этих двух полюсах человеческих чувств, у него равновесная власть над сердцами.

«Но и в грусти и в радости до последнего вздоха оставалось при нем его художническое восхищение миром, которое, в виде чудесной награды, смолод дается великим поэтам и не покидает их в самые черные дни».

«Так, знаешь, весело было глядеть в окно на темневшие деревья, на реку...», «То есть душу можно отдать нечистому за удовольствие поглядеть на теплые черные небо, на речку и лужайки...».

Природа для него — всегда событие, и, говоря о ней, он, стоишь богатыми словами, чаще всего находил лишь один эпитет: замечательная.

«...Днем валит снег, а ночью во всю изволовую светит луна, роскошная изумительная луна. Великолепно».

«...В природе происходит нечто изумительное, трогательное, что окупает своей покоей и возмужает все неудобства жизни. Каждый день сюрпризы один лучше другого. Прилетели скворцы, веде журчит вода, на проталинах уже зеленеет трава».

Огромна во всех его письмах эта интенсивность восхищения природой: «...Природа удивительна до бешенства и отчаяния... Подлец я за то, что не умею расовать...».

«...Погода изумительная. Цветут розы и астры, летят журавли, кричат перелетные штеды и дрозда. Один восторг».

«Две трети дороги пришлось ехать лесом, пол луной, и самочувствие у меня было удивительно, какого давно уже не было, точно я возвращался со свидания...».

Связь его с природой была так неразрывна, что в своих письмах было проглядывать, ее, либо разволався ей до восторга, но никогда не испытывал равнодушья к ней.

Равнодушье вообще было чудом ему, иначе он не был бы великим художником.





На переднем плане фото: Чжоу Энь-лай и Менделеев выходят из здания французского посольства в Берне.

## ДАДАС В ПАРИЖЕ...

Сенсационный по своей пошлости приезд г-на Даллеса в Париж и связанные с ним переговоры об индо-китайской проблеме представителей трех западных держав оживленно комментируются западноевропейской печатью.

Французские газеты, в общем, с чувством тревожной настороженности относятся к визиту Даллеса. Газета «Комба», например, даже выразила удивление, «что американские руководители не желают признать за Францией ее право проводить свою собственную политику».

Однако кое-кто из зарубежных обозревателей не оставляет мысли изобразить путешествие г-на Даллеса в Париж вместо Женевы, как миссию «взаимопонимания». Так, рассуждениями «о стремлении США к взаимопониманию» с западными союзниками начал вчера свою передачу швейцарский радиокорментатор Макс Вольф. Парижский корреспондент английской газеты «Таймс», в свою очередь, изображает дело так, будто в Париже «естественно» были приобритены визитом Даллеса.

Эти странные комментарии некоторых зарубежных обозревателей не могут не породить естественных вопросов у здравомыслящего читателя. Почему «стремление США к взаимопониманию» и интерес США к индо-китайской проблеме не привели г-на Даллеса в Женеву (где гласно, открыто обсуждается вопрос о восстановлении мира в Индо-Китае), а заставили его в пожарном порядке организовать отдельные переговоры в Париже? — можно спросить у швейцарского комментатора. И если в Париже «были приобритены» визитом Даллеса, то чем тогда объясняется тревога, которой проникнуты многие высказывания французской печати по поводу этого события? — могут спросить «Таймс» английские читатели.

С. МАРШАК

## ОКОЛЬНЫЙ ПУТЬ

Неожиданный приезд Даллеса в Париж представляет, по мнению многих обозревателей, попытку оказать нажим на Францию, а также на Англию, чтобы помешать успешной работе Женевского совещания.

(Из газет)

Бесцеремонностью бахвался, Терся с каждым днем престиж, Путь не в Женеву держит Даллес, А пробирается в Париж.

Такого рода пассажиру Не по душе прямой маршрут, Ведущий мир навстречу миру. Его пути к войне ведут.

## ИСПУГ МИСТЕРА КРОУФОРДА

В штате Алабама, на самом берегу Мексиканского залива, расположен тихий город Фэйрхуп. Это — совсем маленький заложный городок. До ближайшей железнодорожной станции от него 15 миль.

Вот уже 60 лет в этом городе выходит ежедневная газета под названием «Фэйрхуп курьер». В настоящее время ее редактирует мистер Ф. Г. Кроуфорд...

3 июня «Фэйрхуп курьер» в редакционной статье преподнесла жителям города «тревожное известие». Что же случилось? Предоставим слово газете: «На этой неделе мы получили письмо от Нью-Йоркской фирмы, сообщающей о том, что редакция одной русской газеты подалась на нашу газету. Интересно, что они теперь замыслили?»

Мистер Кроуфорд, не волнуйтесь и не пугайте своих земляков! Это мы подписались на «Фэйрхуп курьер». Мы не преследуем при этом никаких тайственных целей, мы ничего не «замыслили». Мы писали вам газету только потому, что наши читатели хотят знать о жизни простых людей в разных странах, в разных городах, в том числе и в городе Фэйрхуп.

Разрешите вам принести выдержку хотя бы из вашей собственной статьи «Размышления редактора», помещенной в номере от 10 июня 1954 года.

Вот что вы пишете по поводу бешеного роста цен в Соединенных Штатах:

«Если ты в состоянии пережить потрясение, взгляни на цифры своего бюджета за 1939 год и обрати внимание на разницу в стоимости жизни. А ведь это было всего лишь 15 лет назад!»

Разница и в самом деле велика! По данным независимого Общественного профсоюза электротехников, стоимость жизни в США еще в октябре 1951 года почти вдвое превышала уровень 1939 года.

Право же, подобные факты гораздо больше волнуют жителей вашего города, чем сообщение о том, что «Литературная газета» подписалась на «Фэйрхуп курьер»!

Как вы видите, мистер Кроуфорд, наши «замыслы» очень скромны: мы хотим лишь познакомить наших читателей с тем, что вы сами пишете в своей газете.

# ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

О ЧЕХОВЕ В АНГЛИИ

В Англии имя Чехова давно окружено признанием и любовью, его творчество оказало мощное влияние на ряд выдающихся писателей. В Англии, можно сказать без преувеличения, Чехов стал своим писателем, одним из самых дорогих для англичан в литературе всех веков и народов.

Но признание не всегда означает правильное понимание; борьба с легендой о Чехове, с искажением сущности его творчества в Англии началась уже давно и прошла через много этапов. И сейчас полные английские друзья Чехова, друзья русской культуры и советского народа считают эту борьбу своей главной задачей.

В своей обычной шутливой манере Чехов писал в 1892 году писателю В. Тихонову: «Переведен на все языки, за исключением иностранных». Впрочем, эта веселая шутка в то время уже не совсем соответствовала действительности. В частности, в 1891 году на английский язык был переведен рассказ Чехова «Юма». Этот перевод считается первым появлением на английском языке чеховского произведения.

В 1903 году — за год до смерти Чехова — в Англии появился первый сборник рассказов Чехова в переводах Р. Э. К. Лонга («Черный монах» и другие рассказы). В предисловии переводчик писал о Чехове, как о «весьма мало известном в Англии писателе». Слова Чехова в Англии была еще вперевод.

После первой империалистической войны, когда в переводах Констанса Гарнет и других Чехов стал широко известен в Англии, началась эпоха славы, более того — культ Чехова в Англии. Еще в 1914 году Голсуорси назвал имя Чехова наряду с именами Тургенева и Толстого среди тех имен, «которыми мы клянемся». В 1928 году он еще сказал, что за последние двадцать лет Чехов был самым могучим магнитом для молодых писателей в различных странах. Галантная писательница К. Мансфилд писала о «Степи»: «Это просто одна из самых великих повестей в мире — своего рода «Илиада» или «Одиссея»... Есть вещи, о которых говорится: «Они бесценны». В начале двадцатых годов, отмечает один мемуарист, в Англии всякий, имевший художественные склонности и начинавший писать новеллы, писал «спод Чехова».

В английских оценках Чехова эпохи двадцатых годов верно было переименовано с ошибочным. Это относится и к высказываниям о Чехове видных прогрессивных деятелей английской литературы, таких, как Голсуорси и пропагандист русской литературы в Англии Эвард Гарнет. Верно и принципиально говорил, например, Голсуорси о бессилии английских знатоков Чехова возродить его художественный метод, о том, что Чехов открывает своим читателям полнокровную душу великого народа; глубоко прав Гарнет, писавший, что у Чехова, как и у других великих русских реалистов, мы ощущаем дыхание широкого океана человечности, и именно этот фон порождает присущую русским широту художественного зренья и этических оценок.

Но в тех же статьях Голсуорси и Гарнета мы находим суждения о «фатализме» Чехова. Английские толкователи Чехова и даже его горячие поклонники нередко приписывали Чехову совершенно не свойственные ему черты безразличия к добру и злу. Знаменитая «легенда о Чехове», которая восходит к русской буржуазно-либеральной литературе о Чехове, получила особое распространение в Англии. В чем ее смысл?

Чехов — поэт усталых, отчаявшихся душ, не имеющих сил для борьбы, драматург разочарования, певец тишины усталых, творец беспомощных, бездеятельных, пассивных персонажей. Его пьесы — элегические памятники умирания, грусти, несбытанных надежд...

Легенда эта жива до сих пор и имеет международное хождение. «Дейла уоркер» — орган английской коммунистической партии, — утешая много внимания раскрытию подлинного образа Чехова, разоблачает вреднейшие вымыслы о его творчестве и человеческом облике. Высоко оценила газета две вышедшие в 1952 году книги о Чехове — «Жизнь Чехова» и «Чехов-драматург» Дэвиды Маргаршака.

Автор подчеркивает присутствие Чехову же в годы юности и молодости безстрашие, мужество, большую духовную силу, гуманизм, сочетающийся порой с жесткостью и никогда не мирящийся с потворством человеческого слабости.

Говоря о юных годах Чехова, Маргаршака показывает зародыши той борьбы со всяким проявлением бесчеловечности в отношениях между людьми, которую писатель, не переставая, вел всю свою жизнь. Он подчеркивает чувство интеллектуальной свободы и человеческого достоинства, которым обладал юный Чехов, пишет об исключительном даре ощущать малейшую неискренность в человеческих взаимоотношениях, о способности подмечать те тонкие чувства, которыми часто прикрывают проявления жестокости и несправедливости, об отвращении ко лжи и лицемерию во всех формах, которое остается с ним до конца жизни. Безстрашие и трезвый критический взгляд на жизнь проявились у Чехова даже в первых литературных опытах, когда он был далеко от мысли о карьере профессионального писателя. Уже в годы юности, совершенно правильно указывает Д. Маргаршака, Чехов был полон глубокого и серьезного представления о высоком общественном назначении литературы. Подробно описывает Маргаршака поездку Чехова на Сахалин и останавливается на

том воздействии, которое оказала эта поездка на мировоззрение и творческое развитие писателя.

Скучно, но в основном верно говорит Маргаршака о политическом взгляде Чехова. Он правильно подчеркивает, что Чехову совершенно напрасно приписывали пессимизм и чувство безнадёжности. Он напоминает, что Чехов постоянно, но безуспешно протестовал против посясков пессимизма в его произведениях. Однако при жизни Чехова немногие были так проникательны, как Горький, писавший в 1900 году: «Каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

В серьезной и талантливой биографии Чехова, написанной Маргаршаком, можно отметить отдельные недостатки. Характеризуя политические взгляды Чехова, автор опирается преимущественно на свидетельства мемуаристов и переплетку. Маргаршака можно упрекнуть в том, что им мало привлекается художественное творчество Чехова, задолго до последних лет его жизни показывавшее большую зрелость его политическо-социальной мысли и воплощавшее осуждение буржуазного строя, собственнического уклада, угнетения человека человеком.

От этого упрека свободна другая книга Маргаршака, посвященная Чехову-драматургу.

Английская театральная критика и режиссура до сих пор находятся под влиянием «легенды о Чехове», пессимизма и сейчас остается господствующим тоном постановочные чеховские пьесы. «Дейла уоркер» писала, что множество англичан, посещающих постановки чеховских пьес, впадают в заблуждение режиссерами, артистами и критикой.

Книга Маргаршака о драматургии Чехова также посвящена опровержению «легенды о Чехове». Его концепция, основанная на детальном анализе чеховских пьес, совершенно противоположна традиционной в английской литературе представлению о Чехове, искажающим сущность чеховского театра.

В известном письме Суворину Чехов писал о писателях, «...которых мы называем вечными или просто хорошими», что они «пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели. Вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, которая должна быть, и это пленяет Вас». Это представление о жизни, «какая должна быть», составляет, по Маргаршаку, основную тему чеховской драматургии. То, что автор увидел ее в соответствии с мыслью Чехова и в противоречии господствующим английским истолкованиям, составляет большую заслугу книги.

Основной принцип эволюции драматургии Чехова Маргаршака видит в переходе от традиционному построению пьес в пьесах «подводного течения», означавшего один из важнейших элементов новаторского выклада Чехова в мировую драматургию. Маргаршака раскрывает свою мысль о пьесах «непрямого действия», как он называет «Чайку», «Дядю Ваню», «Три сестры» и «Вишневый сад», на многочисленных, часто весьма тонких и интересных анализах ситуаций, мизансцен, реплик, характеристик персонажей, диалогов. Все это имеет одну цель — доказать глубоко реалистический и оптимистический характер чеховской драматургии.

В соответствии с этим меняется оценка отдельных пьес. Если писавший о драматургии Чехова на протяжении десятков лет известный театральный критик Десмонд Мак Карти (заметьте, восхищающийся «Дядей Ваней») считал основной темой пьесы разочарование, если он находил, что в «Дяде Ване» Чехов — поэт и защитник бессилия, то Маргаршака раскрывает «Дядю Ваню», как пьесу мужества и надежды. Маргаршака оценивает «Три сестры» не как пьесу покорности и смирения. Не пафос — утверждение жизни и возрождающей силы творя. Уезд действия в «Вишневом саду» связан не вокруг продажи сада и соответственно судьбы Раневской и Гаева, а вокруг темы вишневого сада, олицетворяющего собой Россию, и темы уничтожения красоты теми, кто слеп и веи.

Все это совершенно противоположно впечатлениям Десмонда Мак Карти и его единомышленников, но зато близко к подлинному научному изучению чеховской драматургии и впоследствии ее советскими исследователями последнего времени и трактовке ее советскими постановщиками. Это позволяет и в применении к книге о чеховской драматургии говорить о плодотворном влиянии на английское исследование советской переводной культуры.

Несмотря на то, что автор не цитирует советских исследований о Чехове, в ряде важных положений его книги отражается неоспоримое влияние современной советской исследовательской мысли в изучении Чехова. Маргаршака показал себя хорошо осведомленным биографом, тонким и вдумчивым анализатором, искусным повествователем. Обе книги Маргаршака наносят тяжелый удар «легенде о Чехове».

Борьба с «легендой о Чехове» является частью борьбы за правильное освещение классического наследия, которую ведут передовые деятели английской культуры. Настало время, — писала «Дейла уоркер», — представить подлинного Чехова простым людям. Потому что Чехов — писатель, прежде всего писавший о народе и для народа.

А. НАРКЕВИЧ

## ПАМЯТИ Л. Н. СОБОЛЕВА

Советская литературная общественность понесла большую потерю: умер Лев Николаевич Соболев, известный переводчик русской советской литературы на французский язык, член бюро секции переводчиков зарубежных литератур ЦСП.

Литературная деятельность Льва Николаевича представляет собой большой вклад в дело сближения между народами Советского Союза и французским народом. В его образных переводах передовая Франция знакомилась с лучшими произведениями советских писателей. Горячее сотрудничество петербургская деятельность Л. Н. Соболева встречала еще у Ромэн Роллана и Анри Барбюса. С последним его связывала долготелая дружба.

Не менее плодотворной была работа Л. Н. Соболева в области теории перевода. Лев Николаевич Соболев долгие годы сотрудничал во всех изданиях советских журналов на французском языке.

Светлый образ Л. Н. Соболева — советского патриота, неутомимого труженика, активного общественника, честного, отзывчивого товарища — навсегда останется в памяти всех, кто его знал и кто с ним работал.

Л. Леонов, Б. Полевой, К. Симонов, А. Сурков, Е. Стасова, И. Анисимов, Т. Аксёв, П. Антокольский, И. Аллестин, Л. Баты, Н. Вильмонт, О. Травкина, М. Зеневич, Е. Калашникова, И. Касаткина, И. Кашкин, В. Левин, А. Лейтес и другие.

# В ЦИРКЕ БУХМАНА...

В воскресенье в пустом вестибюле Женевского Дома прессы — «Эзон» — шла пресса — старая от скуки, сидел старый швейцар. И подошел к доске объявлений и от нечего делать скользнул взглядом по ряду расклеенных листков. Маленькая афишка привлекала мое внимание надписью, выведенной большими красными буквами:

«Новая политическая мудрость для нового мира!»

Что же это за «новая политическая мудрость для нового мира»? — подумал я. Из текста афишки выяснилось, что эту мудрость несет престолу «мировое движение морального перевооружения», резиденция которого находится в городе Ко. Я узнал далее из той же афишки, что движение это поддерживается Комитетом Аденуаром, Робертом Шуманом и сенатором Александром Уайли, председателем комиссии по иностранным делам сената США. Уайли привнесло его слова рекламный листок — заявил: «Несколько сенаторов США побывали в Ко и подтвердили, что там можно найти больше информации и ответов, касающихся современной международной обстановки, чем в каком-либо другом городе мира... Поэтому мы утверждаем, что «моральное перевооружение» является единственной идеологической силой, которая в состоянии изменить и объединить весь мир».

Маленькую афишку можно было рассматривать как приглашение ко всем журналистам, прибывшим на Женевское совещание, посетить городок Ко. Их звали на весь день. За плату в 10 швейцарских франков организаторы обещали двухчасовую информацию о том, как «возникает новый мир», затем обильный обед, после него — спектакль с громким названием «Правдивая весть», затем снова полтора часовую информацию «для каждого, откуда бы он ни был», ужин и в заключение еще один спектакль, действие которого происходит «за день после-послезавтрашней». И все — за десять франков!

Я занялся подсчетом: один лишь проезд по железной дороге из Женевы в Монте стоит 13 франков, затем из Монте в Ко еще 3 франка, то есть в один конец — 16 франков! А устроители обещают сверх того обед, ужин и два спектакля. Любопытно: кто же берет на себя все расходы?

Кто-то сильно толкнул стеклянные двери, и в вестибюле пружинистым шагом вошел мужчина лет тридцати пяти в столь тщательно пригнанном костюме, что уже это выделяло в нем человека, привыкшего к офицерскому мундиру.

С явным американским акцентом он вежливо спросил: «Вы едете в Ко? А где же остальные?» Я не успел ответить, как в вестибюле появился еще американец, а за ним несколько журналистов. И тут я решился: побоялся в Ко, поглядев на козыбель «идей, способных объединить весь мир».

Через несколько минут к Дому прессы подкатили два элегантных «Опелки». Я сел в машину вместе со всеми.

Дорога, петляя, уходила в горы. Скоро явился замечательный туманом Монте. Машина лезла вверх к белешему на вершине замку причудливой архитектуры.

У входа в замок нас снова приветствовала на английском языке пожилая замаскированная господин в синем дубротном костюме. Он провел нас в огромный квадратный зал. Кто-то подал мне аппаратчик с наушниками, позволяющий (как это делается в ООН) слушать в кулуарах выступления, происходящие в зале заседаний. Кто-то другой, деликатно направив мою лодку, указывая все таким способом путь в зал, в котором вели обитые дорожками деревянными панелями коридоры.

Жестом самоуспокоения я вытиснул из кармана гелевую сигарету, быстро поджал зажигалкой и, оставляя большие клубы дыма, обозначил свой путь среди этой роскоши. В наушниках, которые я продолжал держать в руках, что-то бубнито, слышались звуки, напоминающие хоральное песнопение.

Но в зале уже началось торжественное ознакомление «каждого человека, откуда бы он ни был», с разрабатываемыми «новыми организующими миром».

Перед стеклянными дверями мы сдержали дыхание и останавливались. Действительно, там пел хор. А заполненный до отказа зал слушал в набобном сосредоточении.

Едва хор кончил петь и раздался аплодисменты, как меня повлекли в первый ряд. На сцене, с которой слышались певцы, стояли пять высоких кресел. В них сидело пятеро джентльменов. Первый слева, набобно сложивший руки на выдвинутом вперед животе, был негр. Второй за ним, такой же толстый, мог быть мясником из Мюнхена или Тулузы. Общее внимание привлекала высокая худощавый джентльмен, силеный в среднем кресле. Одетый в черный смокинг, с белым шелковым платочком в верхнем кармане, он своим внешним видом напоминал джентльменов, которых изображают на американских пачкатах, рекламирующих пасту для зубов.

В четвертом кресле можно было разглядеть хилую, серую, ничем не примечательную фигуру. В пятом кресле сидел джентльмен явно японского происхождения, в вензле. Веселый блеск его глаз составлял резкий контраст с крепко сжатыми узкими губами и неподвижными руками, появляющимися на слегка выпяченном животе.

В зале было не менее тысячи человек. Пока я оглядывался по сторонам, со сред-

Среди многих более или менее искусно замаскированных зарубежных филиалов американской разведки особым благоволением правящих кругов США пользуется организация так называемого «морального перевооружения». С ней с похвалой относятся видные конгрессмены и главы швейцарских банд, руководители американской охраны и немалые ученые «социологи».

Чем же заслужило такой почет в США движение «морального перевооружения»? Кое-то сказал об этом несколько лет назад член палаты представителей США Престон. «Почему это движение привлекало внимание по меньшей мере ста членов обеих палат конгресса? — заявил он. — Ответ следует искать в том факте, что это движение начало энергичную кампанию против коммунизма...»

Основателем организации «морального перевооружения» был не безызвестный фашистствующий американский миссионер Фрэнк Бухман. Полнейше-религиозный «социализм», который проповедует Бухман вот уже 30 лет, в свое время, еще до второй мировой войны, покорила английских капиталистов. Затем шарлатанская демонология Бухмана получила одобрение гитлеровцев. Ныне «моральное перевооружение» опекают американские монополии. Проводит Бухмана и его подручные агенты идеологическому обеспечению планов американской агрессии в различных районах мира.

Бухманисты, основавшие свою штаб-квартиру в тихом швейцарском городке Ко, на все лады проплатируют фальшивую идею о «перестройке» мира путем «морального перевооружения». Они отвергают борьбу против национального и социального бесправия и угнетения. Через «самоусовершенствование» каждого, и капиталиста и рабочего, мир обретет гармонию, утверждает бухманисты, сдобрившая свои фарисейские влияния сентиментами, заимствованными из арсенала марксоведов средневековья. Профессиональные провокаторы и штрейкбрехеры из «морального перевооружения» ведут раскольническую, подрывную работу в профсоюзах. Во Франции и Западной Германии агенты Бухмана выступают в защиту «европейского оборонительного сообщества» «путем примирения разногласий» между гитлеровскими пачкатами и их жертвами.

Польский публицист Э. Османчик побывал в Ко, где находится один из крупных «учебных центров» бухманистов. Его репортаж, написанный для «Литературной газеты», показывает, как каким изощренным, театрализованным трюкам прибегают политические шарлатаны из «морального перевооружения» в своей пропаганде.

Воскресенье в пустом вестибюле Женевского Дома прессы — старая от скуки, сидел старый швейцар. И подошел к доске объявлений и от нечего делать скользнул взглядом по ряду расклеенных листков. Маленькая афишка привлекала мое внимание надписью, выведенной большими красными буквами:

«Новая политическая мудрость для нового мира!»

Что же это за «новая политическая мудрость для нового мира»? — подумал я. Из текста афишки выяснилось, что эту мудрость несет престолу «мировое движение морального перевооружения», резиденция которого находится в городе Ко. Я узнал далее из той же афишки, что движение это поддерживается Комитетом Аденуаром, Робертом Шуманом и сенатором Александром Уайли, председателем комиссии по иностранным делам сената США. Уайли привнесло его слова рекламный листок — заявил: «Несколько сенаторов США побывали в Ко и подтвердили, что там можно найти больше информации и ответов, касающихся современной международной обстановки, чем в каком-либо другом городе мира... Поэтому мы утверждаем, что «моральное перевооружение» является единственной идеологической силой, которая в состоянии изменить и объединить весь мир».

Маленькую афишку можно было рассматривать как приглашение ко всем журналистам, прибывшим на Женевское совещание, посетить городок Ко. Их звали на весь день. За плату в 10 швейцарских франков организаторы обещали двухчасовую информацию о том, как «возникает новый мир», затем обильный обед, после него — спектакль с громким названием «Правдивая весть», затем снова полтора часовую информацию «для каждого, откуда бы он ни был», ужин и в заключение еще один спектакль, действие которого происходит «за день после-послезавтрашней». И все — за десять франков!

Я занялся подсчетом: один лишь проезд по железной дороге из Женевы в Монте стоит 13 франков, затем из Монте в Ко еще 3 франка, то есть в один конец — 16 франков! А устроители обещают сверх того обед, ужин и два спектакля. Любопытно: кто же берет на себя все расходы?

Кто-то сильно толкнул стеклянные двери, и в вестибюле пружинистым шагом вошел мужчина лет тридцати пяти в столь тщательно пригнанном костюме, что уже это выделяло в нем человека, привыкшего к офицерскому мундиру.

С явным американским акцентом он вежливо спросил: «Вы едете в Ко? А где же остальные?» Я не успел ответить, как в вестибюле появился еще американец, а за ним несколько журналистов. И тут я решился: побоялся в Ко, поглядев на козыбель «идей, способных объединить весь мир».

Через несколько минут к Дому прессы подкатили два элегантных «Опелки». Я сел в машину вместе со всеми.

Дорога, петляя, уходила в горы. Скоро явился замечательный туманом Монте. Машина лезла вверх к белешему на вершине замку причудливой архитектуры.

У входа в замок нас снова приветствовала на английском языке пожилая замаскированная господин в синем дубротном костюме. Он провел нас в огромный квадратный зал. Кто-то подал мне аппаратчик с наушниками, позволяющий (как это делается в ООН) слушать в кулуарах выступления, происходящие в зале заседаний. Кто-то другой, деликатно направив мою лодку, указывая все таким способом путь в зал, в котором вели обитые дорожками деревянными панелями коридоры.

Жестом самоуспокоения я вытиснул из кармана гелевую сигарету, быстро поджал зажигалкой и, оставляя большие клубы дыма, обозначил свой путь среди этой роскоши. В наушниках, которые я продолжал держать в руках, что-то бубнито, слышались звуки, напоминающие хоральное песнопение.

Но в зале уже началось торжественное ознакомление «каждого человека, откуда бы он ни был», с разрабатываемыми «новыми организующими миром».

Перед стеклянными дверями мы сдержали дыхание и останавливались. Действительно, там пел хор. А заполненный до отказа зал слушал в набобном сосредоточении.

Едва хор кончил петь и раздался аплодисменты, как меня повлекли в первый ряд. На сцене, с которой слышались певцы, стояли пять высоких кресел. В них сидело пятеро джентльменов. Первый слева, набобно сложивший руки на выдвинутом вперед животе, был негр. Второй за ним, такой же толстый, мог быть мясником из Мюнхена или Тулузы. Общее внимание привлекала высокая худощавый джентльмен, силеный в среднем кресле. Одетый в черный смокинг, с белым шелковым платочком в верхнем кармане, он своим внешним видом напоминал джентльменов, которых изображают на американских пачкатах, рекламирующих пасту для зубов.

— А теперь выступит настоящий рабочий! — объявил все тот же джентльмен, сошедший с пачката, рекламирующего зубную пасту. — Он 20 лет был в коммунистической партии Фурского бассейна! Это Фриц Хеске, который переменял!

Из-за кресел двумя прыжками выскочил к микрофону коренящийся стареющий шваб в табачном цвета пиджаке и начал на немецком языке рассказывать свою автобиографию. Он якобы преданно отдавал все свои силы классовой борьбе, за что Гитлер упрянул его в тюрьму. Ну, а там он понял, что не классовая борьба, а только разговор «от сердца к сердцу» может помочь «каждому перемениться», как учит великий наставник Фрэнк Бухман, которого чтит весь мир.

Распорядитель вызвал на сцену новый «номер» программы цирка: секретаря профессора французских текстильчиков, входящего в реакционное объединение «Форс уриер», некоего Мориса Мерсьера. Со второго кресла поднялся толстяк, которого я принял за мясника из Мюнхена или Тулузы. Он поправил галстук, слегка одернул белый жилет и меловым голосом начал свою речь «от сердца к сердцу»:

— Люди! Откуда бы вы ни были, знайте одно — революция, в которой вас призывает «моральное перевооружение», не знает классовой ненависти. Знайте, что мы обрели моральную силу, которая кладет конец классовой борьбе и объединяет все нации и классы, весь мир!

Он снова утесел в кресло, блатившись платочком утер лоб и подтанул ногой, так как на подметки уже поднялся хор, который запел марш «морального перевооружения». «Ах, нет разных рас! Нет больше классов!» — зашумели тенора.

Несколько десятков молодых людей столпились на подмостках, и какой-то молодой американец вызвал их в микрофону по одному или парами. Подтачиваемые своим вожаком, они рассказывали, как в

их сердца проникла правда о том, что нужно «перемениться». Навное стрекотание леви неожиданно преврал голос молодого «фельдфебеля». Как пулеметная очередь, пронзало его личное признание: — Вот этими руками я убивал азиатов в Корее! Но здесь, в Ко, я чувствую, что смогу стать им другом.

Трое каких-то смуглых маленькитых сынков обняли молодого убийцу, а он, как бы в волнении, забавил опустить руки, изготившихся к стрельбе из автомата.

Мне стало не по себе. Слово сползла маска с ханжованных проповедников, и на арене цирка Бухмана я увидел перед собой кривляющихся убийц и пачалей. Я не запомнил, что говорил Х. Филипп, владец завода радиоприемников той же марки, выступивший всед за группой молодежи, а из речи швейцарца-фабриканта зубной пасты уловил только несколько отрывочных фраз:

— ...содал себе капитал... не был счастливым... Играл на бирже, выиграл, но потерял со... Только Фрэнк Бухман дал мне радость жизни... Несмотря на возражения родных, я продал буквально за гроши, вернее, помертвевал этот замок, который был моей собственностью, нашему «моральному перевооружению»...

Сосед слева шепнул, ни к кому не обращаясь: — Миллион долларов получил, а хотел лба...

В стороне, около окна, как жреп в капиле, в высоком кресле сидел, подблескивая очками без оправы, семидесятилетний д-р Фрэнк Бухман — лысоватый, гладенькое ребячье лицо, тонкие губы старца, — словом, из тех, что подглядывают за купающейся Сюзанной.

И тут все собралось прикрыла глаза руками. Оказывалась, американский конферансье провозгласил трехминутную молчаливую молитву, «чтобы во всех нас, от сердца к сердцу, наступила благотворная перемена». В разных местах зала появлялись какие-то яды с огромными металлическими чашами.

— Сбор добровольных приношений! — как бы отвечая на мой немой вопрос, завершал проповедник со среднего кресла. Тем временем металлические чаша пляли по рядам. Звенело серебро, шелестели бумажки...

...Я вышел на улицу.

Эдмунд ОСМАНЧИК, польский публицист

В вестибюле Женевского Дома прессы —